

43-Й ТРЕК

Annotation

Новосибирск разрушен после уничтожения ГЭС: Обское водохранилище затопило большую часть города. Выжившие люди разделились на воюющие между собой анклавы.

- ◦ [Глава 1](#)
-

43-й трек на руинах Новосибирска

Глава 1

Моя память похожа на рассыпавшийся пазл. Иногда я пытаюсь сложить отдельные части в единый сюжет, но они не подходят друг другу, да и жизнь на руинах цивилизации не способствует долгим размышлениям. У нас всё рутина: бежим от опасности, бежим за опасностью, а в промежутках режемся в карты, бьем друг другу морды и пьем картофельный самогон. А если выпадет свободная минута и философское настроение, то всё испортят странные голоса: время от времени они звучат в моей голове — мужские и женские — комментируя то, что я вижу, слышу и чувствую.

— Да заткни ты ее, Труба! Ноет и ноет!

Это не в голове, это пробасил Гном, недовольный музыкой из старой колонки на вечных солнечных батареях. Спорить я не стал — все на нервах, просто приглушил звук. Теперь в мелодию вплетались шлепки капель, падающих с потолка — наш отряд остановился на ночевку в полуразрушенном здании за Плющихой. Верхние этажи рухнули много лет назад, осыпавшись стеклом и каменной крошкой, уцелели только нижние под шапкой изломанной арматуры. Между колонн охотники натянули противомоскитный полог, за которым уже скоро (стоит только солнцу спрятаться в руинах) появятся “векторовские” комары-мутанты, кровососущее эхо последней войны.

— Выруби эту хрень, Труба! Не то я ее о твой безмозглый колбан расшибу!

Где-то на окраинах Новосибирска прогрохотал гром: гроза уходила на юг, в сторону Кольцово и Барышево. Город, затопленный после разрушения ГЭС, всё ещё жался к высоким холмам Ключ-Камышенского плато, хотя воды давно схлынули с улиц, и Обь вернулась к древнему руслу. Я был чужаком в отряде, но чужаком нужным — сенсором, способным почувствовать любое существо крупнее кошки в радиусе полукилометра. *“Угрюмый, потрепанный жизнью тридцатилетний мужик, повсюду таскавший с собой колонку и слушавший музыку, которую он называл классической”*, — прошептал голос в моей голове. Вообще-то мне было тридцать два — голоса нередко ошибались.

— Никого не чувствуешь поблизости?

Хан, лидер отряда, присел рядом. Грузный и неприятный, заросший щетиной до самых глаз, он держал в узде полсотни отъявленных головорезов, ходивших за добычей в чужие районы.

— Пусто.

— Это хорошо, — Хан зажал пальцем ноздрю и плюнул жирной соплей на пол. — Спать не тянет?

— Нет.

— Завтра уйдем за Плющиху, отдохнешь.

Настроение у командира было хорошим: из Первомайки группа возвращалась с хорошим хабаром, никого не потеряв. Пережить одну ночь и дневной переход — и они дома, в Плющихинском анклав среди сине-зеленых десятиэтажных панелек, благополучно переживших и апокалипсис, и потоп. Там работают рынки и магазинчики, люди торгуют свежим хлебом и только что пойманной рыбой, в кабаках пьют картофельный самогон и вино из калины и костяники, а по вечерам в окнах домов, купивших в складчину генераторы, зажигается свет.

Хан скосил глаза на перемотанную мутовязью колонку, произнес снисходительно:

— Носишься с ней как с мешком патронов, лучше бы бабу завел.

Как же хреново, что я потерял наушники! Такую редкую вещь теперь хрен знает где найдешь.

Ночь прошла тихо. Москиты облепили защитный полог и вместе с ним всю ночь покачивались под вздохи ветра из разбитых окон. Они чуяли кровь и долбили хоботками в натянутую кисею, взлетали, искали место получше и снова садились, тщетно пытаясь пробиться к людям. Над руинами прежнего мира висела Луна — такая же большая и бледная как в старые времена, только небо стало мертвым: никто не чертил по нему светящиеся линии — ни самолеты, ни спутники. С первыми утренними лучами комары-мутанты погибли и осыпались на пол высохшей кутикулой. Жизнь их была проста: не выпил крови — сгорел. Мой сон больше напоминал полудрему, полностью заснуть не давал дар, продолжавший сканировать окрестности. И когда на краю сознания появились серые размытые фигуры, я не медлил ни секунды:

— Подъем! Подъем! К бою!

С тихим шелестом свернулся противомоскитный полог, проснувшиеся охотники рванули к окнам, занимая позиции. Хан встал рядом со мной, слушая доклад-скороговорку:

— На десять часов — пятеро, на час — полтора десятка, на четыре — свора штурмовых псов с погонщиками, трудно разобрать, не меньше дюжины.

— Собачники, жопу им всем в глотку!

— На десять остановились.

Противник готовился к штурму по привычной схеме: сперва атакует свора под прикрытием стрелков и арбалетчиков, следом идут бойцы с топорами. *“База собачников располагалась за железкой — в районе бывшего собачьего питомника на Баганской, на самой окраине лесного массива. За прошедшие десятилетия Забаганский лес стал непроходимой чащей, полной плотоядных растений и хищных деревьев...”*. — “Заткнись!”. Как же иногда не вовремя просыпались голоса в голове!”.

— Гном, вали стрелков!

Голос Хана еще летел по лестнице, а засевший на втором этаже снайпер уже выцеливал врагов. Прикрыть псов у нападавших не получилось, и когда животные показались на выжженной поляне перед домом, в бой вступили наши стрелки. Тихое и мирное утро окончательно превратилось в локальный ад: свистели пули, летели стрелы, визжали раненые псы, орали матом люди... На хвостах уцелевших собак враг все же прорвался в здание, и перестрелка переросла в свалку: ружья смолкли, вперед выдвинулись мечники.

— На десять часов еще группа, — сообщил я. — Около трех десятков.

— Наверх! Наверх! — заорал стрелкам Хан. — Контроль двора! Положите их всех!

Если бы мы не выкосили псов, пришлось бы худо, но теперь мечники теснили врага обратно к окнам. В ближнем бою медленные топоры уступали быстрым и юрким мечам: топор — оружие атаки, мечом можно и атаковать, и защищаться. *“Разница в опыте — великая вещь. Собачники привыкли сражаться со зверьем из окружающего леса, им нет равных в истреблении кольцовских мутантов. Хан и его охотники больше воевали с людьми...”* — “Заткнись!”.

“Положить всех” наши стрелки не смогли: подкрепление прорвалось к зданию, и ход боя сразу изменился. Теперь уже люди с топорами теснили мечников. Мой взгляд зацепился за девушку с арбалетом — ее стянутые в хвост рыжие волосы мелькали позади мужчин с топорами, а шею украшал широкий кожаный ремень, знак принадлежности к анклаву собачников. Наши взгляды встретились, и она сообразила: тот, кто не сражается, а стоит за спинами других — важная фигура. Меня спас вражеский пес: прорвался и повалил в прыжке на пол, и стрела амазонки пролетела мимо. Я даже увидел эту стрелу — над собой, над собачьей мордой — увидел за миг до того, как ударился затылком о пол и погрузился во тьму...

... В крошечной тьме боль — это свет. Она проколола меня металлической иглой, заставила застонать, открыть глаза и увидеть над собой не потолок полуразрушенного дома, а голубое, без единого облачка, небо. Надо мной склонился Хан:

— Как ты? Мы тебе обезбол вкололи.

Плечо командира было перебинтовано широкими бинтами — чистыми, но явно много раз стиранными.

— Поживу еще. Отбились?

— Буквари выручили.

Букварями называли отряд, искавший в руинах старые технические книги. Когда мир выключили из розетки — Интернет рухнул, а вместе с ним исчезли виртуальные библиотеки, учебные и научные видеокурсы, практические советы в Ютубе и прочая информация. Местный потоп смыл Академгородок со всеми его архивами и компьютерами, затонули сервера, десктопы, ноутбуки... На тех же, что остались в Плющихе, сохранились лишь старые игрушки да никому не нужный документооборот. Бумажные книги обрели прежнее значение — особенно те, в которых имелись чертежи и подробные описания как сделать-собрать-соорудить-построить, как работать с металлом и деревом, с глиной и песком, как проектировать и рассчитывать нагрузки...

— Вода есть?

Хан протянул флягу, и я жадно присосался к горлышку. Вода оказалась из скважины, от нее ломило зубы и обжигало холодом пищевод. И это было приятно. Но тут внезапная мысль обожгла сильнее воды: музыкальная колонка! Что с ней? Я уселся на

расстеленной рогоже и с тревогой огляделся. Мы находились в знакомом дворе, густо заросшем соснами и березами, а за деревьями поднимались громады панельных зданий, почти не разрушенных катастрофой. Невдалеке жарил на мангале шашлыки Гном, его винтовка стояла рядом, аккуратно прислоненная к стене деревянной беседки. На скамьях сидели бойцы отряда — пили самогон; их голоса звучали чересчур громко и весело, слышался смех.

— Где моя колонка?! — громко спросил я. Голоса смолкли, охотники повернули к головы.

— Очнулся! Я же говорил: голова у сенсора крепкая, выдержит.

— Где?? Моя?! Колонка?!

— Мы еле ушли, сенсор. Какая на хер колонка?

Хан покровительственно положил волосатую лапу на мое плечо:

— Найдешь другую, Труба. Хабар скинем — и купишь.

— Нет такой больше!

Волна отчаяния накатила на меня — первобытно-дикого, бесконтрольного, бешеного. “На выход?” — отчетливо прозвучал в голове женский голос. “Нет, рано”, — ответил мужской.

— Да оставь его, Хан! — с ленцой посоветовал Гном, переворачивая шпажки с мясом на мангале. — Поистерит и успокоится.

— Поистерю?! Успокоюсь?!

Мысль о том, что я никогда больше не услышу любимые мелодии, заставила забыть о тупой боли в затылке. Я подскочил к мангалу и пинком перевернул его. Мясо полетело на землю; следом, поднимая над собой серое облако золы, разлетелись горячие угли.

— Ты что делаешь, урод?! — взревел Гном. Одной рукой он ухватил меня за ворот, другой влепил сочный удар в челюсть. Моя многострадальная голова мотнулась в сторону, но я тоже не был новичком в драке: через мгновение мы уже мутузили друг друга.

— Круг! Круг! — рявкнул Хан. Драки среди охотников были делом привычным, почти ежедневным.

— Пять кредитов на Гнома!

— Принимаю!

— Четверть самогона на сенсора!

— Три патрона против!

— Вали его, Гном!

Саму схватку я не запомнил: драться на эмоциях — гиблое дело. Волна бешенства схлынула, когда я понял, что лежу мордой в землю, а на мне сидит Гном и заламывает руку.

— Всё! Всё! — постучал я свободной ладонью по земле. — Хватит...

Мы поднялись и хмуро посмотрели друг на друга.

— Ты мне за мясо должен, — сплевывая кровь с разбитой губы, предъявил Гном.

— Хан из доли вычтет. Полтос патронов продашь?

— Ну ты и наглец! Зачем тебе?

— За колонкой пойду.

— Ребята не впишутся.

Я обвел взглядом распадающийся круг: друзей среди охотников у меня не было. Да и черт с ними! Из-под ног вывернулся облезлый рыжий кот, бросился к разбросанному по земле мясу. Но проскочить мимо Хана не сумел, тот въехал ему в бок тяжелым ботинком, отшвырнув в сторону. Рыжий заверещал от боли, невероятным образом извернулся в воздухе и приземлился на четыре лапы. Злыми глазами кот уставился на командира, шерсть на его загривке поднялась.

— На нашего сенсора похож, — хохотнули за спиной.

Хан вытащил из кобуры пистолет, направил на кота:

— Ну давай, животное, прыгни!

Охотники оживились.

— Патрон на то, что собьет в прыжке!

— Патрон против!

— Два кредита на кота!

— Принимаю.

Но Рыжий явно был знаком с оружием: ощерился и сиганул в сторону, унося ноги. Бойцы разочарованно выдохнули: шоу не состоялось, ставки не сыграли.

До катастрофы массив на Плющихе и территорию за педагогическим университетом разделял глубокий овраг с извилистым ручьем, несущим скупые капли воды в Обь. На склонах оврага в тени яблонь и черемух прятались дачные домики с крошечными огородами, беседки, сарайчики, бревенчатые баньки, уличные туалеты. После разрушения плотины водохранилища, вода поднялась вверх по руслу, подмывая овраг и опрокидывая хлипкие строения. А затем на дальний

от жилмассива склон рухнули обломки сбитого спутника, и то, что не смыла вода, спалил огонь. Оба склона были давным-давно вычищены, найденные под обгоревшими кирпичами и в остывших углях вещи проданы и перепроданы — после катастрофы сменилось уже два поколения.

За колонкой я отправился рано утром, в тумане. Миновал неглубокую Плющиху, оставив следы сапог на вязкой глине, и начал подниматься вверх, по бывшей улице Вилюйской к бывшей улице Выборной. Тут снова начинался город, но здания пострадали гораздо больше, от большинства высоток остались только горы искореженного бетона и металла. Дома торчали из земли, напоминая гигантские зубы, изъеденные дырами кариеса. В этой мешанине камня, стекла, пластика и металла мои способности иногда сбоили, но сегодня все обошлось. Первых людей я засек, когда обходил стороной здание детского сада: пришлось затаиться и переждать пока группа прошла со стороны универа. Шли к Оби, скорее всего речники, с плющихинскими у них был мир, но встреча вне анклава — всегда риск. Возле здания, в котором наш отряд отбивался от собачников, мне пришлось остановиться — сначала почувствовал внутри человека, а затем услышал знакомую мелодию. Звучала “Месса мира” Карла Дженкинса: кто-то нашел мою колонку и слушал музыку!

Рисковать я не стал: аккуратно обошел руины, скрываясь за порослью одичавших кленов, и осторожно заглянул в окно. Трупов нигде не было: значит, их уже забрали свои. Пахло кровью: говорят, что этот запах фантомный, ведь прошло больше суток, но я реально его чувствовал. Возле колонки, поджав под себя ноги, сидела та самая арбалетчица, что едва меня не застрелила. Слушала музыку! Меня она заметила слишком поздно: вздрогнула от неожиданности, узнала, закусила от досады губы и тут же стрельнула взглядом на лежавшее на полу оружие.

— Схватишься за арбалет — получишь пулю в живот.

— А так ты меня отпустишь, да?

— Отправлю в рай без мучений. Медленно подними руки над головой... За голову не заводи, мало ли что у тебя волосах.

— Вши?

— Сюрикены. Как зовут?

За годы после катастрофы у людей, живущих на руинах самого большого сибирского города, сложилась своя этика. Узнать имя жертвы — одна из них. Имена стали валютой, их можно было продать тем, кто хотел, но не мог отомстить.

— Не повезло тебе, нет за мной долгов.

— Как зовут?!

— Скрипка.

От удивления обрез в моих руках дрогнул.

— Откуда такое имя?

— Простываю часто...

— И?

— Чё “и”? Голос садится! Слышал как двери скрипят? Вот и прозвали — Скрипка.

Я хрюкнул от смеха и убрал палец со спускового крючка

— Встань! Пни ко мне арбалет и замри. Теперь снова опустишь на колени...

— Я тебе чё, клоун? Стреляй уж.

Но стрелять прямо сейчас я не собирался.

— Правую руку оставь над головой, левой выбери в меню сорок пятый трек.

Незнакомка стрельнула в меня злым взглядом, но послушалась. Самообладание у нее было на высоте: оставаться спокойной под прицелом — достойно уважения. *“Скрипка заиграла “Лето” из “Времен года” Вивальди. Никогда раньше женщина не слышала ничего подобного, в изумлении она отклонилась назад и замерла: одна рука на колонке, другая по-прежнему поднята над головой, словно корона, с растопыренными пальцами”*. Не знаю, с какого рожна голос в голове услышал Вивальди — в названии трека была фамилия Паганини.

— Это и есть скрипка.

— Но она же не скрипит!

Следом зазвучал “Китайский тамбурин” Крейсера, поднятая рука Скрипки задрожала от напряжения, и я позволил ее опустить. Потом был Паганини и снова Вивальди — впервые в жизни я слушал музыку не один, а с кем-то, и это рождало в душе незнакомое раньше чувство сопричастности.

— Как эта скрипка выглядит?

Вопрос застал меня врасплох. Новосибирск скуден на изображения: цифра погибла вместе с Интернетом и его облаками, бумагу уничтожил потоп и огонь. В живую я видел только гитару и баян, и в одной старой книге — пианино. Как выглядит скрипка?

— Не знаю...

Я подошел и встал рядом.

— Здесь есть трек об истории музыкальных инструментах. Много раз его слушал, научился звуки различать. Но как выглядят инструменты там не...

Договорить я не успел: арбалетчица резко завалилась на спину, и, опираясь на плечи и локти, выбросила ноги вверх. Тяжелый ботинок врезался в подбородок и заставил выронить обрез, а когда в моих глазах прояснилось, было уже поздно. Скрипка держала оружие в своих руках и ее палец с аккуратно отточенным ногтем подрагивал на спусковом крючке. Веревка, стягивающая волосы в хвост, лопнула, и они разметались по ее плечам — рыжие, с едва уловимым медным оттенком.

— На колени! Руки за голову!

Мелодия все еще лилась из колонки: по иронии судьбы это был трек Анжель Дюбо под названием “Жизнь”.

— Кличка?

— Труба.

— Куришь много?

— Э...

— Ну, печь, труба, дым — так подумала.

Я рассмеялся — нервно и зло: смех был смешан с обидой на собственную глупость. Стоял на коленях и хохотал, пока не почувствовал прикосновение ствола к шее.

— Заткнись! Чё ржешь?

— Труба — тоже музыкальный инструмент, только без струн. В нее дуют.

“Скрипка попыталась себе представить услышанное, но не смогла: ей виделась тонкая печная труба и человек, надувающий щеки в тщетной попытке выдуть в небо мелодию”. Я снова усмехнулся: очень своевременный комментарий! Интересно, мне расскажут, как я умирал от пули из собственного обреза?

— Опусть одну руку и найди трек с трубой.

— Хорошо, гуттаперчивая девочка.

— Чё сказал?!

— Гуттаперчевый — значит, гибкий.

Заиграла мелодия — медленная, грустная.

— Это же скрипка!

— Сейчас труба вступит.

Мелодию подхватила труба, и грусть сразу стала светлой, как память об ушедших счастливых днях. *“У Скрипки тоже были такие дни — совсем немного, в детстве, когда живы были родители. Высокая грива Ключ-Камышенского плато, чудом сохранившаяся баиня планетария, небольшой дружный анклав выживших и жуткая кровавая ночь, когда из-за Ини пришли бандиты. Нескольким ребяташкам удалось бежать и прибиться к собачникам...”*. В этот момент меня осенила догадка: голоса в моей голове — тоже дар! Нечто вроде сканера, который способен пересказывать чужие воспоминания. *“А совсем недавно ей стали сниться удивительные сны: она сидела на деревянном помосте перед огромным залом, полным людей — ряды кресел уходили вверх, к балконам, на которых тоже было множество празднично одетой публики. Взгляд скользил по их лицам, выхватывая улыбки, костюмы, украшения — ни одного человека с ружьем или арбалетом! Все эти сны заканчивались одинаково: над залом медленно гасло стеклянное облако лампочек...”*.

— Человек десять со стороны ТЭЦ. Похоже твой отряд.

Скрипка мотнула головой, стряхивая наваждение музыки. Посмотрела на меня, на мою колонку.

— Чертов ты сенсор...

Резким движением она переломила ствол, выщелкивая патроны, и бросила мне разряженный обрез:

— Уматывай! И колонку забирай, все равно отнимут.

В ее глазах читался вызов: женщина поступала неразумно, глупо, по-идиотски. Прежде чем подняться, я провел пальцем по пыльному полу, оставляя на нем особый знак — лихо закрученную восьмерку на ножке с маленьким кругом. Полгода назад я увидел похожий на листе промасленной бумаги, в которую продавец завернул пистолет. Заголовок на листе гласил: “Начальная нотная грамота”. Продавец — старик лет семидесяти — пояснил: круги с поднятыми хвостами называются нотами, это буквы для музыкантов, а знак, открывающий

нотную линейку — скрипичный ключ. Именно его я и начертил на полу.

— На девять часов, в километре отсюда, развалины желтого небоскреба...

— Чё?!

— Под его руинами сохранилась парковка с кучей старых машин. Приходи через неделю, я помечу этим знаком плиту, за которой есть узкий проход.

Брови Скрипки удивленно приподнялись:

— Зачем?

— Музыку слушать. Там безопасно.

— Твой личный схрон?

— Да.

Скрипичный ключ, нарисованный на полу, открыл мне мир, которого я раньше не знал — мир, где женщина разделяет твои увлечения, а близость — это не только секс. Сидя рядом, мы могли слушать одну и ту же мелодию много раз подряд, разбирая, где и какой инструмент звучит. В этих спорах и обсуждениях была страсть, жизнь, любовь, упоение победой — всё то, для чего люди живут на свете. Наверное, мы были счастливы, просто не задумывались об этом.

Четыре десятка машин на минус втором этаже стояли в целости и сохранности, но выехать на улицу не могли: когда здание рухнуло, минус первый этаж полностью завалило. Мы сливали бензин из их баков и заправляли им переносной генератор. У нас был свет, электричество, несколько обогревателей и куча полезных вещей: от ковра и надувных матрасов до большой армейской палатки.

Однажды во время ужина — я подстрелил зайца и пожарил мясо на мангале — мы сидели в мягких креслах, снятых с автомобиля и слушали оперу на незнакомом языке. И тут, привлеченная запахами еды, перед нами выбежала тощая серая крыса. Она замерла метрах в пяти от постеленного на бетонный пол ковра с едой, я поднял арбалет, Скрипка схватила меня за руку:

— Не надо!

И бросила этой твари кусочек мяса. Тварь замерла, то ли ожидая подвоха, то ли просто от неожиданности, но затем ухватила еду передними лапками и принялась жадно рвать зубами. Когда кусок мяса исчез в ее глотке, Скрипка тут же подбросила еще один.

- Это же крыса! — удивился я.
- И чё? Она жрать хочет.
- Крысы всякую заразу переносят.
- А люди не переносят?

У Скрипки оказался удивительный дар: она легко приручала любую живность. Через несколько недель крыса ела у нее с руки и даже получила собственную кличку — Бемоль.

Осень затянулась: шли нудные холодные дожди, затем солнце сушило сопревшие листья, превращая желто-красное разноцветье в светло-коричневый прах. Каждая наша встреча могла стать последней перед долгой зимней разлукой: снег — это следы, их не скроешь. Но всё закончилось раньше, чем город укрыла замерзшая вода... Гости пришли, когда их меньше всего ждали.

- Два десятка, — сообщил я Скрипке. — И собаки.
- Может, мимо?
- Нет, шарятся вокруг, ищут вход.

Вместе с минус первым этажом завалило и шахту лифта, но проход по лестнице остался — если знать под какой плитой его можно найти с улицы.

- Они точно знают, что мы тут.
- Значит, меня вычислили, — лицо Скрипки стало белым.

Она обернулась ко мне и внезапно обхватила руками за плечи, прижалась. Я чувствовал как ее бьет дрожь. Собачники нашли лаз минут через десять. Несколько человек осторожно спустились по лестнице, но не дошли, остановились.

- Эй, Скрипка, ты здесь?
- Чё надо?

— Нам тут птичка напела, что ты с плющихинскими спуталась. Хотели на базе поспрашивать, а потом решили обоих брать. Объявляю конкурс: кто сдаст другого, получит легкую смерть.

- Да пошел ты.

Первыми на парковку ворвались штурмовые псы — их было много, но мы успели положить почти всех, прежде чем появились люди и начали стрелять. На этот раз они пришли не с арбалетами, а с винтовками — в нашем мирном подземелье, где целое лето звучала музыка, теперь грохотало оружие и свистели пули. Я видел как упала Скрипка: ее рубашка окрасилась кровью, она повернулась ко мне и

что-то крикнула — из-за выстрелов я не расслышал слов. Затем ее тело выгнулось и затихло, голова ударилась о бетонный пол. Не гнев и не ужас потери овладели мной, а жуткое равнодушие: страх смерти бесследно исчез, окружающий мир стал безразличен. Я поднялся в полный рост и шагнул навстречу пуле...

...В полной темноте, без света и без звука, я умирал и возвращался к жизни, снова умирал и снова возвращался. А потом открыл глаза и понял, что лежу в больничной палате. Живой, только очень, очень, очень слабый, словно пролежал на этой кровати целую вечность, и мои руки и ноги успели онеметь. Тишина казалась ватной: кто-то что-то говорил, но слова не долетали до меня. И вдруг кадык дернулся, и “вату” смыло: больничная палата взорвалась хором незнакомых голосов.

— Очнулся!

Возглас подхватили другие: очнулся! очнулся! очнулся! Голова моя была тяжела словно мельничный жернов, с огромным трудом я повернул ее и увидел у окна Хана. Заметив мой взгляд, азиат отсалютовал бумажным стаканчиком. Тут же был Гном — ковырял во рту зубочисткой, он мне подмигнул. А у колонки — моей! целой! колонки! — стояла живая Скрипка.

— Где я?

Надо мной склонился незнакомый мужчина.

— Ты вышел из комы, сын, — в его глазах стояли слезы. — Полгода прошло! Никто уже не верил, что ты вернешься.

Я непонимающе моргнул: кома?

— Не торопите пациента, у него шок.

— Сынок, доктор Жданов — гений. Он решил, что твоя кома — защитный барьер и нужно сломать его! Ты обожал фантастику. Я нанял сценариста, нанял актеров... Шесть часов — представляешь? — шесть часов они разыгрывали в палате спектакль. Вот Хан, вот Гном, вот Скрипка — узнаешь?

Он тормозил и тормозил меня, и никак не мог остановиться. Рассказывал, как подбирали музыку, как спорили о сценарии, как убеждали актеров, как он рвался читать текст, но спотыкался на сложных словах...

— Дайте зеркало, — попросил я.

— Зеркало? — засуетился мужчина. — Дайте кто-нибудь зеркало!

Несколько минут я смотрел на собственное лицо — бледное, исхудавшее, с острыми скулами и широким носом. Потом отдал зеркальце и попросил:

— Включите, пожалуйста, 43-й трек.

Рыжеволосая запустила мелодию, а я закрыл глаза и откинулся на подушку. Я не был тем, кто отразился в зеркале. Неведомым образом мое сознание переместилось в тело впавшего в кому человека, ради которого эти люди разыграли спектакль, случайно резонирующий с реальными событиями моей реальности.

Эта колонка не была моей колонкой. В 43-м треке вместо Паганини звучал Вивальди.

Эта женщина не была моей Скрипкой. Моя осталась лежать мертвой на руинах иного мира.